

К. Н. БАТЮШКОВ

Гризельда: Повесть из Боккаччо

В давние времена старшим в роде маркизов Салуцких оставался, по смерти родственников своих, молодой Гвальтиери. Целые дни он проводил на псовой и соколиной охоте, был не женат, бездетен и вовсе не помышлял о супружестве. Впрочем, он был довольно благоразумен и особенно слыл таковым у женщин. Но это благоразумие не нравилось его подданным: они часто упрашивали его вступить в союз брачный. «Вам нужен наследник, а нам господин», — говорили добрые люди. Многие из них вызывались сыскать невесту от честного отца и матери, невесту, которая подавала бы о себе лестную надежду и со временем сделала его счастливейшим супругом. «Друзья мои, — отвечал им Гвальтиери, — вы принуждаете меня приступить к тому, что мне никогда не нравилось, на что я никогда не хотел решиться. Я знаю, как трудно сыскать женщину нам по сердцу и нравами и душою; знаю, что худой выбор делает несчастье целой жизни. Вы говорите, что можно положиться на доброту родителей и по нраву их судить о нраве дочери; вы заблуждаетесь, друзья мои! Как узнать совершенно отца? Как узнать тайные поступки матери? И, если бы отец и мать были люди совершенно честные, то кто, скажите мне, поручится, что дети их будут на них похожи? Если же хотите, чтобы я непременно носил узы брачные и был доволен моим состоянием (по крайней мере на себя одного жаловался в случае неудачи), то предоставьте мне самому сделать выбор. Если супруга моя будет достойна вашей любви и уважения, я почту себя совершенно счастливым, что уступил просьбам вашим». Подданные отвечали, что на все согласны; только бы он не замедлил вступить в желанное ими супружество.

С давнего времени маркизу нравилась девушка, очень бедная. Она жила в соседстве его замка, в совершенном уединении; была

довольно милостива, и странному маркизу показалось, что он найдет с нею счастье. Отложив все поиски и расспросы, он решился без дальних размышлений предложить ей свою руку. Призвал отца ее — беднейшего из бедняков — и с ним ударил по рукам. Все дело приведено к концу, и Гвальтиери, созвав приятелей своих и подданных, сказал им: «Друзья! Вы желали, чтобы я женился; исполняю желание ваше, более в угождение вам, нежели себе. Вы обещали почитать супругу мою, каков бы ни был мой выбор: я сдержал мое слово — сдержите ваше. Объявляю вам, что здесь, в соседстве, нашел я себе невесту, обручусь с нею немедленно и введу ее в мой замок. Вы, с своей стороны, приготовьте богатый пир свадебный; придумайте, как лучше и достойнее принять супругу вашего владельца: одним словом, устройте все так, чтобы я был доволен вами, как вы моим выбором». Все в один голос отвечали, что выбор его будет им по сердцу, что они будут любить и уважать его супругу, какого бы она ни была происхождения. И весь дом засуетился: начали готовить великолепный пир свадебный. Гвальтиери пригласил множество приятелей, соседей и родственников: у богатых за друзьями дела не станет. Наконец призывает к себе горничную девушку, росту одинакого с будущей невестою, и велит кроить по ней платье пышное и уборы великолепные. Кроме того приготовлено всякой всячины; множество поясов богатых, колец изумрудных, серег яхонтовых и венец брачный: одним словом, все, что нужно для молодой. Настал условный день, и маркиз, приведя все дела в порядок, сел на коня и сказал приближенным: «Государь мой, пора нам отправиться за невестою». И все поскакали веселою вереницею в то селение, где жил отец нареченной. Она стояла у колодца и спешила вытаскивать ведра, надеясь с подругами идти навстречу маркизовой свадьбе, которая приближалась ближе и ближе к селу. Гвальтиери называет ее по имени, *Гризельдою*, потом спрашивает: «Где отец твой?» — «Дома», — отвечала она и покраснелась, как алый мак. Гвальтиери слезает с коня, приказывает толпе ожидать себя на улице, а сам идет прямо в низкую хижину бедного Жианукола. «Я приехал за Гризельдою, но, прежде всего, хочу поговорить с нею в твоём присутствии. Нравлюсь ли я? Если так, то будет ли она во всю жизнь угождать мужу своему, никогда не огорчаться поступками его и повиноваться малейшей воле его?». Гризельда, потупя глаза, отвечала: «Буду, без сомнения!». Гвальтиери, довольный ответом, берет ее за руку и при всей толпе провожатых и челяди своей раздевает и наряжает в великолепные брачные одежды, а на волосы, которые одна природа до сих пор убирала, торжественно надевает

венец брачный. Все удивились. «Друзья, — отвечал он, — вот та девица, которую желаю иметь супругою, та, которая согласна жить и умереть со мною». Потом, оборотясь к Гризельде (а она от стыда и радости света божия не видела): «Правду ли я говорю, Гризельда? Желает ли ты быть моею женою?» — «Желаю, государь». Дело сделано, и обряд к концу. По выходе из церкви посадили ее на богатого коня и с великою честью проводили в замок. Пир был истинно великолепный, как будто маркиз сочетался с дочерью короля французского; а новобрачная, к удивлению всех, с нарядом переменила нрав, поступь и душу. Мы сказали уже, что она была статного роста, пригожа и миловидна; а наряды еще более придали блеску красоте ее. Она так умела пленить каждого обхождением, учтивостию, сердечною добротою, что все забыли в ней дочь убогого Жианукола, пастушку овечек, и считали за дочь какого-нибудь знатного принца. Все, ее знавшие в первобытном состоянии, не могли надивиться. Кротость ангельская, послушание чудесное делали мужа ее счастливейшим из всех мужей.

Одним словом, с подчиненными и подданными она обходилась так ласково, тихо, милостиво и приветливо, что каждый полюбил ее, как душу. Все говорили заодно, даже и те, которые сей выбор сперва оуждали, что Гвальтиери поступил очень благоразумно, что он самый проникательный человек; ибо мог открыть под сельским, бедным рубищем столько доброты, столько прелестных качеств! И не только в маркизстве Салуцком, но повсюду Гризельда умом и поведением оправдала странный поступок мужа своего. В течение первого года она обрадовала его рождением прелестной дочери. В замке по этому случаю был праздник великолепный.

Но маркизу вздумалось испытать ангельский нрав и терпение супруги труднейшими, жесточайшими опытами. Сперва начал он оскорблять ее речами, потом, приняв на себя вид печальный и смущенный, сказал ей однажды, будто подданные его начинают роптать за то, что он избрал в супруги бедную девушку низкого состояния — а более еще потому, что она родила дочь, а не сына. Не изменяясь нимало ни в лице, ни в голосе: «Делай что хочешь, государь. — отвечала оскорбленная, — делай то, чего требует честь, польза и слава имени твоего. Я всем буду довольна; ибо не забываю, что была последнею из слуг твоих; не забываю того, что ты для меня сделал — для меня, бедной девушки!». Такой ответ очень понравился маркизу. Но, несколько дней спустя, он объявил ей снова, что подданные его не могут более терпеть его дочери... и удалился. Вскоре является один из вернейших слуг его и с слезами на глазах

начинает говорить: «Простите, государыня... но я под смертным страхом должен исполнить то, что мне приказал супруг ваш... Он велел мне взять младенца вашего, и...»

И не мог сказать более. Несчастливая мать, услыша сии несвязные речи, соображая их с тем, что говорил маркиз, вмиг на мрачном лице служителя прочитала участь невинного младенца; бросилась к колыбели, поцаловала дочь свою, благословила с сердцем, исполненным жесточайшей горести, и, не изменяясь нимало в лице, вручила ее служителю. «Исполняй то, что предписал тебе господин наш; но, умоляю тебя, не отдавай ее на жертву диким зверям... если тебе это не предписано!» Служитель взял младенца на руки и скрылся. Гвальтиери, сведав от него, каким образом Гризельда исполнила строгое приказание, удивился ее твердости, но намерения своего не отложил. С верным служителем он немедленно отправил дочь свою в Болонию, к ближайшей родственнице своей, которую умолял дать ей воспитание отличное, но никому ни под каким видом не объявлять о ее рождении.

В скором времени Гризельда снова сделалась матерью и даровала жизнь прекрасному мальчику. Отец, принимая на руки новорожденного, был вне себя от радости: но не довольствуясь первым опытом, снова жесточайшим терзанием решился испытать сердце несчастной супруги своей. «Подданные мои, — сказал он однажды, — еще более оскорблены с тех пор, как ты утешила меня сыном; они с ужасом помышляют о том, что внук бедного пастуха — отца твоего — будет их господином. Если я не удалю тебя и не возьму другой жены, то они выгонят меня из областей моих». С терпением и покорностью Гризельда выслушала слова супруга своего. «Устройте все ко благу вашему; обо мне же не заботьтесь нимало, государь! В вашем счастье заключается мое благополучие». Через несколько дней Гвальтиери послал за новорожденным и велел сказать матери, что ему готовится одинакая участь с прежним младенцем; а сам тайно отправил его в Болонию к прежней родственнице. Великодушная Гризельда перенесла эту потерю с прежнею твердостью, без слез и роптания, и в глубине сердца своего утаила несказанную горечь матери. Гвальтиери удивился. «Нет! — повторял он сам себе, — ни одна женщина не может сравниться с нею!»

Подданные думали, что маркиз велел умертвить детей своих: все оуждали его поступок, называли его жестоким отцом и без жалости не могли смотреть на бедную мать. Женщины, ее окружавшие, часто плакали и сокрушались при ней об участи невинных малюток,

и она всегда говорила им: «Не плачьте, милые подруги; вспомните, что так угодно было отцу их».

Прошло несколько годов со времени рождения дочери. Маркиз задумал сделать последний опыт и объявил своим приближенным, что не хочет иметь супругою Гризельду, что он по молодости лет обручился с нею; наконец, признался, что поступил очень безрассудно, а чтобы загладить проступок свой, решается просить папу о разводе и позволении обручиться с другою. Все осуждали намерение маркиза, но он был непоколебим. Гризельда вскоре об этом услышала. Возвратиться в бедный дом отца своего, снова сделаться пастушкою овец, видеть супруга своего, до сих пор страстно обожавшего, в объятиях другой жены... Все это терзало, раздирало ее душу. Но она решилась перенести последние удары судьбы с прежнею твердостью, с прежним великодушием. Вскоре прибыло из Рима разрешение папы (оно было подложное), и маркиз его обнародовал. Призывают Гризельду, и в присутствии многочисленной толпы жестокосердый Гвальтиери говорит ей: «Вот разрешение папы на другой брак. Я должен отвергнуть тебя. Ты знаешь, что многие из подданных моих дворян — знатные и сильные владельцы; они сами имеют своих подданных; а твои родители всегда были землепашцами... Тебе нельзя быть супругою маркиза Салуцкого! Возвращаю тебе приданое твое и тебя — отцу твоему: я избрал себе другую в супруги».

Гризельда превозмогла всю горечь оскорбленной женщины и, силясь удержать слезы и рыдания, сказала голосом довольно твердым: «Я помню мое низкое происхождение, неприличное вашему знатному роду; помню, что по милости бога и вашей, государь, я была возведена на столь высокую степень, и что все мое счастье было временное! Мое дело повиноваться слепо воле господина моего. Вот обручальное кольцо: возьмите его; но позвольте мне возвратиться к отцу моему в той одежде, в которой прибыла я в замок. Вам нечего возвращать мне: ни золота, ни серебра, никаких сокровищ я не принесла в приданое; вы взяли меня нагую, и, если мать детей ваших должна нагая возвратиться к престарелому отцу своему, — то она исполнит волю вашу. Но именем любви и непорочности заклинаю вас, государь, дайте, ах! дайте мне хотя одно покрывало... последнюю защиту стыдливости». Гвальтиери, почти тронутый до слез, старался сохранить суровый и строгий вид. «Согласен на покрывало, — сказал он, — но... более ничего!». Все приближенные умоляли его дать ей по крайней мере одно платье. «Как? — говорили они, — супруга маркиза Салуцкого, наша старая госпожа, явится полуобнаженною

посреди улицы, как нищая, как преступница, как самая последняя из женщин!..» Напрасные просьбы! Полуобнаженная, без обуви, без покрова на голове, с распущенными волосами, заливаясь горькими слезами, она вышла из замка и, сопровождаемая рыданиями слуг и женщин, с зардевшимися от слез глазами явилась к несчастному отцу. Жиануколо никогда не хотел верить, что дочь его останется маркизою; он с трепетом ожидал судьбы, ее постигшей, и свято сохранил рубища, оставленные ею в бедном быту его. С слезами возвращает их дочери. Она, великодушная до конца, презирая судьбу, несправедливую и жестокую, спокойно принимается за прежние труды сельские, в дому отеческом.

Между тем маркиз немедленно объявляет, что сватает за себя дочь славного графа Панагского, готовится великое торжество и посылает за Гризельдою. «Скоро будет в замок моя невеста, — говорит ей Гвальтиери, — я желаю принять ее с великими почестями. Ты знаешь, что в замке ни одна женщина, кроме тебя, не умеет убирать покоев и учреждать порядка, для великого торжества приличного. На тебя возлагаю эту обязанность. Учреждай, повелевай всем: пригласи заблаговременно женщин, каких тебе угодно; угощай, принимай их как хозяйка и потом — можешь возвратиться в свою хижину». Каждое слово, как острая игла, колото чувствительное сердце Гризельды; ибо она не преставала обожать неблагодарного супруга. «Я на все готова», — отвечала страдалица; и, в сельском рубище, прежняя повелительница замка начала убирать покои, расставлять по залам креслы, расстилать ковры узорчатые, готовить стол и все, что было потребно, — как будто бы она была простая служанка или ключница. Одним словом, она рук не опускала, пока все не было кончено и распоряджено от важной вещи до последней безделки. Гости приглашены, все готово в ожидании веселого пира. И вот настает день свадебный. Гризельда в рубище, но с лицом веселым и приветливым угощает наехавших жен и девиц боярских, как добрая, домовитая хозяйка. Гвальтиери тайно посылает в Болонию к супругу родственницы своей графини Панагской, у которого в доме воспитывались его дети; приглашает его в замок свой с тем, чтобы он и графиня привезли с собою детей его и множество гостей почетных, но никому не объявляли о его намерении. Дочери маркизовой минуло двенадцать лет: она была красоты чудесной, а шестилетний брат ее походил на нее совершенно.

Граф Панагский, окруженный бесчисленною толпою гостей почетных, с сими прелестными детьми пустился в путь и через несколько дней прибыл благополучно в Салуццо, где собрались все

жители деревень, сел и городов соседних: все ожидали с нетерпением нареченной невесты.

Приемная зала открылась, и невесту встретили с чрезвычайными почестями и церемониями. Гризельда вышла навстречу и, поклонясь ей низко, примолвила: «Добро пожаловать, государыня!». Все барыни и девицы, идя к столу, упрашивали маркиза удалить прежнюю жену, или, по крайней мере, дать ей приличное платье. Маркиз не согласился.

В столовой взоры всех обратились на невесту: все превозносили ее до небес, а иные шептали друг другу: «Маркиз наш сделал выгодный обмен!» Сама Гризельда стояла, как очарованная, и невольно дивилась красоте девушки и малолетнего брата.

Наконец желания маркизовы были удовлетворены в полной мере. Он испытал всю силу терпения Гризельды; он уверился, что ничто, никакое испытание не может поколебать сей твердой души; что вперед может положить на нее всю надежду свою. Он решился облегчить свинцовое бремя печали, которую она силилась таить во глубине сердца своего. Но проникательный супруг легко угадывал ее грусть на лице, в самом голосе. При всем собрании гостей велит он ей приблизиться и с колкою улыбкою повторяет: «Понравилась ли тебе моя невеста?» «Ах, как не понравиться, — отвечала Гризельда, — и если она столько же благоразумна, сколько пригожа, то вы будете счастливейшим супругом! Но... умоляю вас, государь, не терзайте ее, как прежнюю жену: она не перенесет таких мучений. Превжней супруга ваша от самой юности была знакома с горем и трудами, а эта, вы сами видите, как еще молода и как нежно воспитана».

Гвальтиери с радостью заметил, что Гризельда находилась в обмане и нимало не изменялась в доброте сердечной, подвинул стул и посадил ее возле себя. Она затрепетала.

«Гризельда, — сказал маркиз по некотором молчании, — пора тебе собрать плоды терпения твоего; пора открыть глаза тем, которые полагали, что я жесток и неправосуден. Я достиг моей цели; я научил тебя нести тяжелый крест супружества и быть во всем примерною женою; подданных научил уважать твои редкие качества и вперед не нарушать нашего покоя. Вот вся цель моих испытаний. В награду за любовь твою, которую ты мне доказала и словом и делом, бесценная Гризельда! в награду за счастье мое, которого ты была и будешь единственною виновницею, я отдаю все, что похитил у тебя, и все раны сердца одним словом исцеляю навеки. Вручаю ту, которую ты называла моею невестою, вручаю брата ее... они твои — они дети наши, а я снова твой супруг, счастливейший из смертных!»

Маркиз, обняв ее с восхищением, целовал с необыкновенною нежностью и, растроганную, утопающую в слезах, повел к удивленной дочери: все были в удивлении неопisanном. Женщины в радости подхватили Гризельду под руки и повели в особенную комнату, сняли рубище, надели великолепное платье и торжественно проводили в залу.

Начался пир веселый. Все были в радости. Каждый выхвалял маркиза, называл его мудрым, проникательным, а Гризельду до небес превозносили. Наконец и гости разъехались. Послали за бедным Жиануколом. Он был принят в замке с почестями и уважением, как тесть богатого владельца, и в объятиях дочери своей кончил счастливую старость. Маркиз не переставал обожать свою Гризельду и был, конечно, счастливейший супруг и отец во всей Италии.

Теперь вы согласитесь со мною, друзья мои, что в хижине мы чаще встречаем небесные дарования, то есть добродетель, честность и терпение, нежели в палатах и теремах великолепных. Часто в лачуге таится тот, кто бы достоин был сиять в короне и повелевать людьми; а в палатах... но оставим это! Спрашиваю только, кто сравняется в терпении с Гризельдою? Кто, подобно ей, перенесет с лицом спокойным, даже веселым, жесточайшие, неслыханные испытания, каким подвергнул ее Гвальтиери?..

